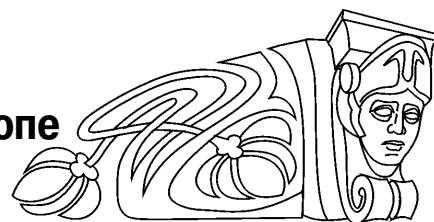

УДК 94(4)

Основные составляющие проблемы немецких меньшинств в Восточной Европе по итогам Первой мировой войны

Е. С. Полунин

Полунин Евгений Сергеевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник 14 отдела научно-исследовательского центра (проблем применения, обеспечения и управления авиацией ВВС), Военно-воздушная академия им. проф. Н. Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина (г. Воронеж), evgeny.polunin1989@yandex.ru

В истории Восточной Европы в годы Второй мировой войны особую роль сыграла проблема немецких меньшинств, среди которых в межвоенный период распространились идеи ревизионизма и ирредентизма. Для понимания природы этих явлений в данной статье предлагается анализ претензий немцев к условиям их жизни в межвоенной Восточной Европе. Формулируется вывод, согласно которому не столько реалии национальной политики стран проживания, сколько особенности немецких меньшинств и поддержка Германией их недовольства версальскими порядками превратили проблему в один из поводов для развязывания Второй мировой войны.

Ключевые слова: Восточная Европа, немецкие меньшинства, вопрос границ, ассимиляция, аграрные реформы, межнациональная напряженность.

The Basic Components of Problem of German Minorities in Eastern Europe after the First World War

E. S. Polunin

Evgeny S. Polunin, <https://orcid.org/0000-0003-3584-4070>, N. E. Zhukovskiy and Y. A. Gagarin Air Force Academy (Voronezh), 54a Starykh Bolshevikov St., Voronezh 394064, Russia, evgeny.polunin1989@yandex.ru

In the history of Eastern Europe during the Second World War the problem of German Minorities was of special importance, meanwhile the ideas of revisionism and irredentism were popular among them in the interwar years. In order to understand the nature of these phenomena this article presents an analysis of the claims of the Germans to the conditions of their life in the interwar Eastern Europe. The author comes to the conclusion that not so much the realities of the national policies of the countries of residence, but the features of German Minorities and Germany's support for their discontent with the Versailles System turned the problem into one of the reasons for the outbreak of the Second World War.

Keywords: Eastern Europe, German Minorities, border issue, assimilation, agrarian reforms, interethnic tension.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-2-197-203>

100-летний юбилей окончания Первой мировой войны дает повод в очередной раз обратиться к итогам и последствиям первого глобального военного конфликта. При этом особый интерес представляет изучение заложенных в Версальско-Вашингтонской системе противоречий, послуживших

предпосылками Второй мировой войны. Многие из них порождены развернувшимися в межвоенный период в Центральной и Восточной Европе этнополитическими процессами. После Первой мировой войны вопрос о национальных меньшинствах, тесно связанный со спором о границах, стал камнем преткновения в отношениях между государствами региона. Попытки разрешить эту проблему силовым путем привели к очередной мировой войне. И в наши дни во многих регионах мира этноконфессиональные противоречия становятся причинами или угрожают перерасти в локальные войны и конфликты, поэтому исследование проблем нацменьшинств характеризуется непреходящей актуальностью.

Среди прочих меньшинств межвоенной Восточной Европы немецкие сыграли особую роль, ведь именно вопрос обеспечения их прав и свобод стал одним из ключевых во взаимоотношениях Веймарской республики с соседними странами, а впоследствии – поводом для агрессии «Третьего рейха» против этих государств. С подачи Берлина и представителей немецких меньшинств региона, не настроенных на интеграцию в странах проживания, в межвоенные годы обсуждалась проблема притеснений немецкого населения в Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европе. Цель данной работы – анализ претензий немцев к версальским порядкам как составляющим вопроса о немецких меньшинствах в регионе. Понимание природы изменений, произошедших в жизни немецкого населения Восточной Европы после Первой мировой войны, представляется весьма значимым для разграничения объективных и субъективных причин их ревизионизма и ирредентизма.

В историографии рассматриваемая тема в разной степени затрагивается в рамках изучения национальной политики стран Восточной Европы (Польши¹, Венгрии², Чехословакии³), истории восточноевропейских немецких групп⁴, дипломатических отношений Германии с соответствующими государствами (в первую очередь с Польшей⁵ и с Чехословакией⁶), в работах о защите прав национальных меньшинств Лигой Наций⁷ (например, в трудах К. Финка⁸) и о предпосылках депортаций немцев из региона после Второй мировой войны⁹. Однако содержание и причины ограничений свобод и возможностей немецких меньшинств региона по итогам Первой мировой войны заслуживают отдельного самостоятельного исследования. В качестве основных

составляющих тематики предлагается рассмотреть проблемы реализации немцами региона права на самоопределение, потери германского гражданства, миграцию из стран проживания, политику ассимиляции немецких меньшинств, экономические потери и антинемецкие настроения в Восточной Европе.

Принцип самоопределения народов провозглашался после Первой мировой войны в качестве одного из базовых для нового миропорядка. Однако на практике он применялся достаточно избирательно: в первую очередь для дестабилизации многонациональных империй, воевавших против Антанты¹⁰. В итоге новые национальные государства в Восточной Европе были сформированы далеко не в строгом соответствии с национальным принципом, что было связано с геополитическими замыслами отцов Версальского миропорядка, а также с итогами пограничных конфликтов в регионе в 1920-х гг. Ярким примером этого может служить межвоенная Польша, значительный процент населения которой составляли национальные меньшинства¹¹. Как и многие этнические меньшинства Восточной Европы, некоторые группы немецкого населения региона не получили возможности повлиять на принятие решения о передаче территории их проживания тому или иному государству. Крупнейшим из таких немецких меньшинств было немецкое население вошедшей в состав Чехословакии Судетской области¹². 4 марта 1919 г. состоялась демонстрация чешских немцев за возможность реализации их права на самоопределение, демонстрантов разгоняли власти ЧСР¹³. Мнение немецкого населения относительно будущего территории их проживания не учитывалось в случае с некоторыми силезскими территориями (Тешинская Силезия поделена между Польшей и ЧСР 28 июля 1920 г.), польским коридором¹⁴.

Тем не менее после Первой мировой войны с участием немцев был проведен ряд плебисцитов: в некоторых районах Восточной Пруссии, в Верхней Силезии, в районе Оденбурга (северо-запад Венгрии) и Клагенфурта (Каринтия)¹⁵. Если немецкое население территории было достаточно многочисленным, то по итогам голосования земли, как правило, переходили к Германии и Австрии. Это не всегда гарантировало устранение проблемы, например, польско-немецкий спор о Верхней Силезией референдум так до конца и не разрешил. Однако о полном лишении немецких меньшинств Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы права на самоопределение говорить не приходится.

Многие из оказавшихся за границами Веймарской Германии бывших подданных Германской империи немцев были недовольны потерей германского гражданства. Чтобы сохранить его, следовало покинуть территории проживания. Так, перед немецкими жителями получившего после Первой мировой войны статус вольного города

Данцига стояла дилемма: получить соответствующее гражданство либо выехать в Германию¹⁶. Наиболее остро вопрос гражданства стоял в Польше. Немцы, проживавшие в 1908–1920 гг. на вошедших в состав межвоенной Польши территориях, могли получить польское гражданство или покинуть польское государство до 10 января 1923 г., момента вступления в силу Версальских договоренностей. Это положение трактовалось немцами и поляками по-разному: первыми как право, а вторыми – как обязанность. Берлин был заинтересован в сохранении многочисленной диаспоры рейхсдойче в Польше и проводил соответствующую агитацию среди польских немцев. Наличие многочисленного немецкого населения на западе Польши могло использоваться немцами в качестве козырной карты в споре о границах между странами. По той же причине полякам было выгодно вытеснить немцев с приграничных земель¹⁷. После долгих польско-немецких переговоров 30 августа 1924 г. была подписана Венская конвенция «О гражданстве и оптации», согласно которой переселение из Польши в Германию не пожелавших получить польское гражданство этнических немцев должно было закончиться к 1 августа 1925 г.¹⁸

Ввиду этого представители польских немцев и Веймарской Германии на международной арене зачастую обвиняли Варшаву в изгнании этнических немцев из Польши¹⁹. Немецкие миграции из польского государства проходили под воздействием изменений статуса и условий жизни немецкого населения. После образования независимой Польши одними из первых ее покинули оставшиеся без работы бывшие имперские служащие. Кроме того, уезжали некоторые немецкие лагифундисты и колонисты, потерявшие часть обрабатываемых земель²⁰. По разным данным из страны мигрировало от 2/3²¹ до половины²² немецкого населения Польского государства. Несмотря на все усилия Берлина удержать немецкое население по ту сторону польско-немецкой границы (как аргумент территориальных претензий к Польше), наиболее интенсивные миграции немцев шли именно оттуда. В первую очередь немецкие переселения охватили Познань и Западную Пруссию, а также польскую часть Верхней Силезии (откуда выехало около 200 тыс. человек)²³. Хотя и в меньших масштабах, но миграции затронули также и более мелкие немецкие группы Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы. Прибалтику еще в конце войны ввиду сотрудничества балтийских немцев с германскими войсками покинуло около 25 тыс. фольксдойче. В дальнейшем немецкие миграции из Эстонии, Латвии и Литвы продолжались на протяжении всего межвоенного периода²⁴. После Первой мировой войны немецкие переселения проходили в сельских, и, в особенности, в городских поселениях Румынии и Венгрии²⁵. Важнейшими причинами этих миграций представляются политика национальных правительств

по ассимиляции этнических меньшинств и сокращение немецких землевладений в ходе проводившихся в регионе аграрных преобразований.

Угроза ассимиляции стала одним из центральных обсуждаемых после Первой мировой войны вопросов судьбы немецких меньшинств Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы. На международной арене Берлин неоднократно выдвигал обвинения в полонизации и чехизации этнических немцев региона в межвоенные годы, что не мешало правительству Веймарской Германии самому активно вести политику германизации населенных польским меньшинством восточных провинций страны²⁶. Мероприятия по ассимиляции в первую очередь были направлены на этнических немцев в пограничных с Германией областях польского и чехословацкого государств, что опять же было связано со спорной ситуацией вокруг соответствующих государственных границ²⁷. Уходящая своими корнями во времена образования Австро-Венгрии, политика мадьяризации активизировалась после Первой мировой войны на фоне огромных территориальных потерь Венгрии и притеснений венгерских меньшинств в соседних странах. Исходным тезисом для ассимиляции в Венгрии была идея существования в стране одной единой политической нации во главе с венграми²⁸. Есть мнение, что дунайские швабы, в особенности в сельской местности в межвоенные годы, мало поддались мадьяризации и смогли сохранить свою самобытность. Тем не менее, венгерские немцы также столкнулись с некоторыми ограничениями, например, власти Венгрии препятствовали их национальному обособлению: в сравнении с прочими юго-восточными фольксдойче венгерские швабы долго не могли организовать собственное культурное или политическое объединение²⁹. Этнические немцы, проживавшие на приобретенных Румынией после Первой мировой войны территориях – в Бессарабии, в Буковине³⁰, в Трансильвании и в восточном Банате – также столкнулись с попытками их ассимиляции³¹. В то же время в многонациональной Югославии проблема не стояла так остро – славянизация слабо затронула швабское население страны. А в Прибалтике, в первую очередь в Эстонии и отчасти в Латвии, немецкое население и вовсе наслаждалось правами культурной автономии³².

Одним из важнейших средств ассимиляции немецких меньшинств в Восточной Европе было утверждение национальных языков в государственной, общественной и культурной практиках образовавшихся в регионе стран и на присоединенных территориях. Национальные правительства стремились вытеснить немецкий, заменив его государственными языками. В Польше представителей немецких меньшинств обязали сдавать экзамены на знание польского языка³³. В Венгрии немецкий язык исключался из законодательной и административной практики законом 1924 г. Однако в венгерских областях, где пятую часть

населения составляло немецкое меньшинство, судьи и представители администрации были обязаны понимать соответствующий язык³⁴. С ограничениями в употреблении немецкого языка в общественной и культурной жизни в прессе столкнулось немецкое население присоединенных к Румынии бывших земель Австро-Венгрии (Северная Трансильвания)³⁵. Немецкий язык стал иностранным и для швабов Югославии³⁶.

Одной из наиболее актуальных была проблема образования на немецком языке. Представители немецких меньшинств и Веймарской Германии часто поднимали вопрос сокращения численности немецких школ в Восточной Европе³⁷, а также различных ограничений для развития системы образования на немецком языке в странах региона. В спорных случаях власти стран проживания старались направлять детей в школы, где обучение велось на государственном языке, а не на немецком. Так, весной 1926 г. администрация польской Верхней Силезии провела проверку обоснованности заявок на обучение детей на немецком языке: в случае неявки родителей или двуязычности ребенка следовало исключение из немецкой школы³⁸. Спор о праве детей посещать немецкие школы в Польше дошел до Лиги Наций, которая в 1927 г. постановила разрешить хорошо понимающим немецкий язык детям обучаться в немецких образовательных учреждениях. К тому же представители Лиги Наций защищали право родителей самостоятельно определять национальную принадлежность своих детей³⁹. В целом Варшава демонстрировала (во всяком случае внешне) уступчивость Берлину в вопросах обучения детей польских немцев на немецком языке, ведь в ответ поляки рассчитывали получить дополнительные возможности для экономического сотрудничества с немцами и послабления для польского меньшинства в Германии⁴⁰.

Похожим образом дела обстояли и в школьной жизни юго-восточных фольксдойче. В Венгрии для дунайских швабов действовали начальные немецкие школы. Однако меньшинства были недовольны формальным исполнением венгерских законов об образовании для них отсутствием среднего и высшего образования на немецком языке⁴¹. На инкорпорированных в состав Румынии территориях некоторые немецкие школы были закрыты⁴². К тому же румынским властям зачастую не хватало средств для развития школ с преподаванием на языках национальных меньшинств⁴³. В КСХС (Югославии) действовала система начального образования на немецком языке, однако обоснованность заявки на посещение немецкой школы, как и в случае Чехословакии и Польши, требовалось еще доказать. Например, на юге Штирии немецкие дети со словенскими фамилиями направлялись в славянские школы⁴⁴. В Филлипово (западная Бачка, большинство многонационального населения составляли немцы) немецких детей обучали на сербском, а

немецкий язык преподавался как иностранный⁴⁵. Как и оставшиеся в границах Венгрии, дунайские швабы Югославии были недовольны отсутствием среднего и высшего образования на немецком языке (немецкие гимназии открылись в Югославии лишь в 1940 г.)⁴⁶.

Не лучшие времена после Первой мировой войны переживали немецкие церкви в Восточной Европе, в первую очередь протестантские. Для многих немецких групп региона протестантизм, как и язык, являлся своего рода маркером, отличавшим немецкое население от его славянского, венгерского или румынского окружения. В Польше действовали две протестантские церкви – объединенная протестантская церковь западного польского пограничья, а также Аугсбургская церковь на территории Конгрессовой Польши. И на западе, и на востоке Польского государства в настроениях немецких протестантов преобладали националистические идеи. При этом религиозный оттенок имели многие немецкие организации в Польше, например, в Лодзи к 1930 г. из 70 немецких объединений почти половину составляли религиозные. Эта тенденция распространялась и на польских немцев-католиков, проживавших преимущественно в Силезии, а также в Поморье и в Великой Польше⁴⁷. Политизация религиозных объединений объясняется утратой немецкими церквями Польши некоторых своих былых свобод и возможностей. В похожих условиях оказались протестантские общины юго-восточных фольксдойче. Так, по протестантской церкви трансильванских саксов больно ударила проведенная в Румынии аграрная реформа⁴⁸.

После Первой мировой войны немецкое население Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы ожидали потери в социально-экономической сфере, прежде всего, это выразилось в сокращении площадей немецких земельных владений. Аграрные реформы в межвоенной Восточной Европе проводились в условиях активизации так называемого крестьянского национализма⁴⁹, поэтому земли перераспределялись не просто в пользу малоземельных, а зачастую именно в интересах представителей титульных наций. Учитывая, что немецкие землевладельцы держали в своих руках большие и, как правило, лучшие земельные участки в странах региона, земельный фонд реформ неизбежно должен был формироваться в значительной степени за счет немецких земель.

Аграрные преобразования на территориях Польского коридора, в Познани, в Поморье предусматривали передачу части обрабатываемых земель безземельным и малоземельным крестьянам⁵⁰. Многие подлежащие разделу латифундии находились здесь в немецком владении. Полякам было важно сломить эту ситуацию не только по социально-экономическим, но и по политическим соображениям. Не случайно наследование немцами земельных участков на приграничных

территориях Польши оказалось под запретом⁵¹. Несмотря на процесс перераспределения земель и сокращение площади немецких землевладений по итогам миграций, даже в 1930-е гг. в руках немцев оставались обширные сельхозугодья. В 1921 г. свыше 36 % земель Польши принадлежали немцам. Через 10 лет в Великой Польше они продолжали контролировать 29 %, а в Померании – 22 % пахотных земель. Поляки попытались потеснить немцев и в сфере промышленности. В 1920-х гг. сократилось немецкое влияние на тяжелую и горнодобывающую индустрию в Верхней Силезии. И все же и в сельском хозяйстве, и в промышленности межвоенной Польши немцы занимали крепкие позиции. Экономические успехи польских немцев не в последнюю очередь были связаны с высокой организованностью немецкого меньшинства (почти 10 % немцев Польши активно участвовали в кооперативах)⁵², а также с мощной поддержкой Германии.

Аграрные преобразования в соседней с Польшей Прибалтике также порождали немецкие протесты. Хотя балтийские немцы в годы гражданского конфликта оказали помощь в борьбе против Красной Армии, все же начавшиеся после войны аграрные реформы проходили в значительной степени за счет немецких латифундистов⁵³. Потеря земель дала импульс немецким миграциям в сельских поселениях прибалтийских государств, однако немецкие горожане в условиях автономии сохранили мощное влияние в производственной и финансовой сфере в Эстонии и Латвии⁵⁴.

В схожих социально-экономических условиях оказались и бывшие немецкие подданные Австро-Венгрии. В Чехословакии аграрная реформа стартовала в 1919 г. с появлением закона № 251. Владевшие большинством земель в Моравии и в бывшей австрийской Силезии немцы столкнулись с земельными конфискациями, зачастую без адекватной компенсации (получали менее обширные и качественные земельные участки)⁵⁵. С другой стороны, в сфере производства судетские немцы сохранили очень сильные позиции⁵⁶. Потери от аграрных реформ понесли и крупные немецкие землевладельцы Румынии, перераспределение земли в пользу румын прошло в Бессарабии, Буковине⁵⁷, Трансильвании, Банате. Однако в межвоенном румынском государстве немецкое меньшинство продолжало контролировать большую долю промышленного производства⁵⁸. Земельная реформа 1919–1931 гг. негативно сказалась на жизни швабского населения Югославии, 80 % населения которой проживало в сельской местности⁵⁹.

Наконец, после Первой мировой войны в Восточной Европе распространились антинемецкие настроения, что было связано с возложением на Германию ответственности за развязывание войны и с активизацией националистических движений в регионе в условиях формирования новых и расширения существовавших до войны национальных государств⁶⁰. Наибольшей напряженно-

стью отличались межнациональные отношения в польско-немецком пограничье. Экспрессами с обеих сторон были отмечены верхнесилезские восстания⁶¹. Если верить немецким источникам, третье польское восстание в Верхней Силезии в мае – июне 1921 г. сопровождалось погромами немецких поселений⁶². Польско-немецкие разногласия на западе Польше подогревались некоторыми польскими партиями, выступавшими против участия национальных меньшинств в политической жизни страны. В частности, подозрительность к немцам в бывших германских землях культивировалась национал-демократами⁶³. По мере обострения противоречий между Польшей и «Третьим рейхом» межнациональные отношения на западе польского государства становились все более взрывоопасными. Национал-социалисты умело воспользовались этой ситуацией, обеспечив себе поддержку многих польских немцев.

Для территорий бывшей Австро-Венгрии после Первой мировой войны также была характерна межнациональная напряженность, унаследованная со времен империи (давление немецкого и венгерского дворянства воспринималось славянами и как национальное угнетение)⁶⁴, и отягощённая опытом мировой войны. В Чехословакии в целом царил достаточно демократичная атмосфера и все немецкое в ЧСР не преследовалось⁶⁵. Однако и здесь не обошлось без межнациональных распрей, в особенности в первые послевоенные годы, когда судьбы народов и многих территорий еще были под вопросом. Известны случаи столкновений между немцами и чехами в начале 1920-х гг. В октябре 1921 г. во время путча Карла Габсбурга в Венгрии богемские немцы саботировали объявленную чехами мобилизацию, организовывали демонстрации, устраивали беспорядки, в подавлении которых в Краслицах, Румбурке и Варнсдорфе участвовала армия. Этот эпизод продемонстрировал сохранявшуюся непримиримость между чехами и судетскими немцами⁶⁶, в очередной раз (как и во время демонстраций 1919 г. в пользу присоединения Судет к Австрии) показал отношение богемских немцев к чехословацкому государству, для которого реставрация Габсбургов была неприемлема.

Национальная политика Будапешта выстраивалась с оглядкой на положение венгерских меньшинств в соседних государствах, прежде всего, это касалось славян и румын. Отношение к немцам в Венгрии ухудшилось в межвоенные годы, в частности, из-за того, что часть венгерского общества возлагала на них ответственность за развязывание Первой мировой войны⁶⁷. Напряженность между славянами и фольксдойче в Югославии, как и на остальных бывших территориях дуалистической монархии, восходила своими корнями к этническим процессам в Австро-Венгрии и к событиям Первой мировой войны, в которых немцы проявили жестокость к славянскому населению⁶⁸. И все же юго-восточные фольксдойче в гораздо

меньшей степени были втянуты в межнациональные противоречия в странах проживания, чем польские немцы.

Несмотря на все это, немецкие меньшинства в Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европе едва ли жили хуже прочих национальных меньшинств региона. Даже не отличавшиеся лояльностью к этническим меньшинствам польские власти относились к немцам лучше, чем к славянскому населению страны⁶⁹. К тому же положение немецких меньшинств на востоке Европы было не хуже, чем, например, во Франции (Эльзас-Лотарингия)⁷⁰. То есть о каком-то особом притеснении немецких меньшинств в Восточной Европе едва ли можно говорить.

Группы немецкого населения в странах Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы после Первой мировой войны пережили на себе воздействие основных протекавших в регионе этнополитических процессов. Как и многие другие этнические меньшинства, они столкнулись с ограничением права на самоопределение, с политикой ассимиляции, с потерей земельных владений, с подозрительностью со стороны титульных наций. При этом положение немцев не было самым плачевным: с их участием проводились плебисциты, некоторые немецкие группы получили автономию и возможность участвовать в политической жизни в стране происхождения, немцы продолжали занимать серьезные позиции в сельском хозяйстве и в промышленности стран проживания. Что же тогда качественно отличало немцев от прочих меньшинств региона? Почему их недовольство реалиями межвоенного периода в Восточной Европе привело к формированию радикальных прогерманских течений, в конечном счете выступивших одним из важнейших факторов развязывания Второй мировой войны? Как представляется, одной из причин этого стало подогревание Германией ревизионистских и националистических настроений в их среде. Поддержка Германией обеспечивала немецким меньшинствам, прежде всего, приграничным особое положение, увеличивая отчуждение в первую очередь между немцами и их славянским окружением. В этих условиях и под воздействием проблем национальной политики, экономического кризиса 1930-х гг. и сворачивания некоторых демократических практик еще не забывшие имперское прошлое немцы Восточной Европы в большинстве своем активно приветствовали идею присоединения соответствующих территорий к «Третьему рейху». Так, вопрос о правах и свободном развитии немецкого меньшинства превратился в один из поводов для развязывания Второй мировой войны.

Примечания

¹ Edward D., *Wynot Jr.* The Polish Germans, 1919–1939 : National Minority in a Multinational State // *The Polish Review*. 1972. Vol. 17. № 1. P. 23–64.

- 2 Paikert G. C. Hungary's National Minority Policies, 1920–1945 // *The American Slavic and East European Review*. 1953. Vol. 12. № 2. P. 201–218.
- 3 Zahra T. The „Minority Problem“ and National Classification in the French and Czechoslovak Borderlands // *Contemporary European History*. 2008. Vol. 17. № 2. P. 137–165.
- 4 Zach C. R. Die Siebenbürger Sachsen zwischen Tradition und neuen politischen Optionen 1930–1944 // *Minderheit und Nationalstaat : Siebenbürgen seit dem Ersten Weltkrieg* / hrsg. von H. Roth. Köln, 1995. S. 115–131.
- 5 См.: Красновская Е. И. Трансформация германской дипломатии в отношении Польши в контексте итогов Первой мировой войны // *Ученые записки Казанского государственного университета*. 2008. Т. 150, кн. 7. С. 242–252.
- 6 См.: Станков Н. Н. Правительство Э. Бенеша и чехословацко-германские отношения (сентябрь 1921 – октябрь 1922 г.) // *Вестник ВолГУ*. 2004. Сер. 4. Вып. 9. С. 90–102.
- 7 Mazower M. Minorities and the League of Nations in Interwar Europe // *Daedalus*. 1997. Vol. 126. № 2. Human Diversity. P. 47–63.
- 8 Fink C. Defender of Minorities : Germany in the League of Nations, 1926–1933 // *Central European History*. 1972. Vol. 5. № 4. P. 330–357.
- 9 Brandes D. Die Vertreibung und Aussiedlung der Deutschen aus Polen und der Tschechoslowakei. Pläne, Entscheidungen, Durchführung 1938–1947 // *Definitionsmacht, Utopie, Vergeltung. „Ethnische Säuberungen“ im östlichen Europa des 20. Jahrhunderts* / hrsg. von U. Brunnbauer, M. G. Esch, H. Sundhaussen. Berlin, 2006. S. 77–95.
- 10 Lemberg H. Kulturautonomie, Minderheitenrechte, Assimilation. Nationalstaaten und Minderheiten zwischen den beiden Weltkriegen in Ostmitteleuropa // *Auf dem Weg zum ethnisch reinen Nationalstaat? Europa in Geschichte und Gegenwart* / hrsg. von M. Beer. Tübingen, 2004. S. 97–101.
- 11 См.: Романов В. В. Компромиссы Парижской мирной конференции и их последствия для международных отношений в межвоенный период // *Европейские сравнительно-исторические исследования*. Вып. 5. Парижская мирная конференция, 1919–1920 : Взгляд из XXI в. / отв. ред. Ар. А. Улуян. М., 2017. С. 27.
- 12 Förtsch F. Umsiedlung, Vertreibung und ethnische Säuberung als Phänomen der europäischen Geschichte des 20. Jahrhunderts // *Die Heimat verloren. Erinnerungen an Flucht, Vertreibung und Neuanfang* / hrsg. von F. Förtsch. Greilsheim, 2009. S. 11–13.
- 13 Koschyk H. 40 Jahre Bundesrepublik Deutschland – Das ganze Deutschland ist unser Vaterland // *Deutscher Ostdienst. Information des Bundes der Vertriebenen – Vereinigte Landsmannschaften und Landesverbände*. 1989. № 1. 6 Januar. S. 1.
- 14 Pradelle R. G. Die Rechtswidrigkeit von Massenvertreibungen // *Verjagt – beraubt – erschlagen. Die Austreibung aus den alten deutschen Grenzmarken. Schicksal und Völkerrecht* / hrsg. von R. G. Pradelle. Wiesbaden, 1961. S. 35–40.
- 15 См.: Первая мировая война и судьбы европейской цивилизации / под ред. Л. С. Белоусова, А. С. Манькина. М., 2014. С. 480.
- 16 См.: Кукушкина И. А. Версаль и Германия : формирование предпосылок Второй мировой войны (постановка проблемы) // *Европейские сравнительно-исторические исследования*. Вып. 5. Парижская мирная конференция, 1919–1920 : Взгляд из XXI в. / отв. ред. Ар. А. Улуян. С. 147–148.
- 17 Борисова А. А. Правовое положение немецкого меньшинства в Польше после окончания Первой мировой войны (на примере Верхней Силезии) // *Регелевский сборник : материалы Вторых Регелевских чтений (18–19 ноября 2013 г.)* / под ред. С. В. Кретицина. Воронеж, 2014. С. 98–100.
- 18 См.: Красновская Е. И. Указ. соч. С. 250–251.
- 19 См., например: Fink C. *Op. cit.* P. 335.
- 20 Lemberg H. *Op. cit.* S. 112.
- 21 Erdmann K. Deutschland und der Osten – zur historischen Einschätzung der gegenwärtigen Lage // *Vertreibung und Versöhnung. Die Synode der EKD zur Denkschrift „Die Lage der Vertriebenen und das Verhältnis des deutschen Volkes zu seinen östlichen Nachbarn“* / hrsg. von E. Wilkens. Stuttgart ; Berlin, 1966. S. 22.
- 22 Brandes D. *Op. cit.* S. 77.
- 23 Edward D., Wynot Jr. *Op. cit.* P. 28.
- 24 Ziemer G. Deutscher Exodus. Vertreibung und Eingliederung von 15 Millionen Ostdeutschen. Stuttgart, 1973. S. 55–59.
- 25 См.: Озуй А. Д. Языковая ситуация на Буковине в австрийский период : динамика краевых языков в социолингвистическом аспекте (1774–1918 гг.) // *Русич*. 2013. № 3(33). С. 115.
- 26 См.: Красновская Е. И. Указ. соч. С. 251.
- 27 Lemberg H. *Op. cit.* S. 114–115.
- 28 Paikert G. C. *Op. cit.* P. 202.
- 29 Enzyklopädie. Migration in Europa. Vom 17. Jahrhundert bis zur Gegenwart / hrsg. von K. J. Bade. Paderborn, 2007. S. 538.
- 30 См.: Виднянский С. Процессы национального самоопределения на Буковине в 1918 г., ее включение в состав Румынского королевства и румынизация автохтонного украинского населения края // *Русич*. 2012. № 2(28). С. 32.
- 31 См.: Макачук В., Рудый Н. Восточные границы межвоенной Румынии (1918–1940 гг.) : аспекты международного права // *Русич*. 2012. № 2(28). С. 61.
- 32 Mazower M. *Op. cit.* P. 54.
- 33 См.: Кретицин С. В. Фактор национальных меньшинств в период между двумя мировыми войнами (1919–1939) // *Феномен мировых войн в истории XX века : материалы Всероссийской научно-теоретической конференции (г. Воронеж, 11–12 мая 2017 г.)* / редкол. : А. А. Богдашкин (отв. ред.) и др. Воронеж, 2017. С. 231.
- 34 Paikert G. C. *Op. cit.* P. 207.
- 35 Zach C. R. „Wir wohnten auf dem Königsboden...“ Identitätsbildung bei den Siebenbürger Sachsen im historischen Wandel // *Minderheitenfragen in Südosteuropa : Beiträge der Internationalen Konferenz : The minority Question in Historical Perspective 1900–1990, Inter*

- University Center Dubrovnik, 18. 14. April 1991 / hrsg. von G. Seewann. München : Oldenbourg, 1992. S. 129–130.
- ³⁶ Thiel J. F. Fremd – zu Hause. Eine donauschwäbische Kindheit 1932–1947. Wien, 2012. S. 41.
- ³⁷ Nawratil H. Schwarzbuch der Vertreibung 1945 bis 1948. Das letzte Kapitel unbewältigter Vergangenheit. München, 1999. S. 43–45.
- ³⁸ Fink C. Op. cit. P. 341–342.
- ³⁹ Подробнее см.: Zahra T. Op. cit. P. 141.
- ⁴⁰ Edward D., Wynot Jr. Op. cit. P. 42–43.
- ⁴¹ Paikert G. C. Op. cit. P. 210–211.
- ⁴² См.: Озюй А. Д. Указ. соч. С. 115.
- ⁴³ Zach C. R. Die Siebenbürger Sachsen... S. 115–116.
- ⁴⁴ Zahra T. Op. cit. P. 141.
- ⁴⁵ Thiel J. F. Op. cit. S. 41.
- ⁴⁶ Huber G. Der Leidensweg der Deutschen in Jugoslawien // 40 Jahre nach Flucht und Vertreibung ... als der Exodus begann. Augenzeugen berichten / hrsg. von H.-U. Engel. Düsseldorf, 1985. S. 52–53.
- ⁴⁷ Edward D., Wynot Jr. Op. cit. P. 31–41, 53–54.
- ⁴⁸ Zach C. R. Die Siebenbürger Sachsen... S. 115–116.
- ⁴⁹ См.: Шевырин В. М. Война во время мира : военизированные конфликты после Первой мировой войны. 1917–1923 : сб. статей / под ред. П. Герварт, Дж. Хорн. М., 2014 // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5 : История. Реферативный журнал. 2015. № 2. С. 44–45.
- ⁵⁰ Fink C. Op. cit. P. 345, 356.
- ⁵¹ Nawratil H. Op. cit. S. 43–45.
- ⁵² Edward D., Wynot Jr. Op. cit. P. 30–32.
- ⁵³ Ziemer G. Op. cit. S. 55–58.
- ⁵⁴ Hiden J., Smith D. J. Looking beyond the Nation State : A Baltic Vision for National Minorities between the Wars // Journal of Contemporary History. 2006. Vol. 41. № 3. P. 394.
- ⁵⁵ См.: Гогуев Б. Б. Аграрная политика властей Чехословакии в отношении венгерского национального меньшинства в 1920-х годах // Вестник ЛГУ им. А. С. Пушкина. 2014. № 4. Т. 4. С. 2–5.
- ⁵⁶ Reichenberger E. J. Ostdeutsche Passion. Düsseldorf, 1948. S. 50–53.
- ⁵⁷ См.: Виднянский С. Указ. соч. С. 32.
- ⁵⁸ Zach C. R. Die Siebenbürger Sachsen... S. 115–116.
- ⁵⁹ Enzyklopädie. Migration in Europa... S. 538.
- ⁶⁰ Hiden J. The Weimar Republic and the Problem of the Auslandsdeutsche // Journal of Contemporary History. 1977. Vol. 12. № 2. P. 273.
- ⁶¹ Шевырин В. М. Указ. соч. С. 44–45.
- ⁶² Nawratil H. Op. cit. S. 43–45.
- ⁶³ Польша в XX веке. Очерки политической истории / отв. ред. А. Ф. Носкова. М., 2012. С. 116–117, 145.
- ⁶⁴ Айранетов А. Г. «Габсбургская монархия «срезалась» на национальном вопросе». Оскар Яси о центробежных силах Дунайской империи // Регелевский сборник : материалы Вторых Регелевских чтений (18–19 ноября 2013 г.) / под ред. С. В. Кретинина. С. 86–94.
- ⁶⁵ Mlynarik J. Fortgesetzte Vertreibung. Vorgänge im tschechischen Grenzgebiet 1945–1953. München, 2003. S. 90.
- ⁶⁶ Подробнее об этом см.: Станков Н. Н. Указ. соч. С. 90–92.
- ⁶⁷ Paikert G. C. Op. cit. P. 201, 205, 213.
- ⁶⁸ Huber G. Op. cit. S. 56.
- ⁶⁹ Edward D., Wynot Jr. Op. cit. P. 63.
- ⁷⁰ Zahra T. Op. cit. P. 143.

Образец для цитирования:

Полунин Е. С. Основные составляющие проблемы немецких меньшинств в Восточной Европе по итогам Первой мировой войны // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2019. Т. 19, вып. 2. С. 197–203. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-2-197-203>

Cite this article as:

Polunin E. S. The Basic Components of Problem of German Minorities in Eastern Europe after the First World War. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2019, vol. 19, iss. 2, pp. 197–203 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-2-197-203>